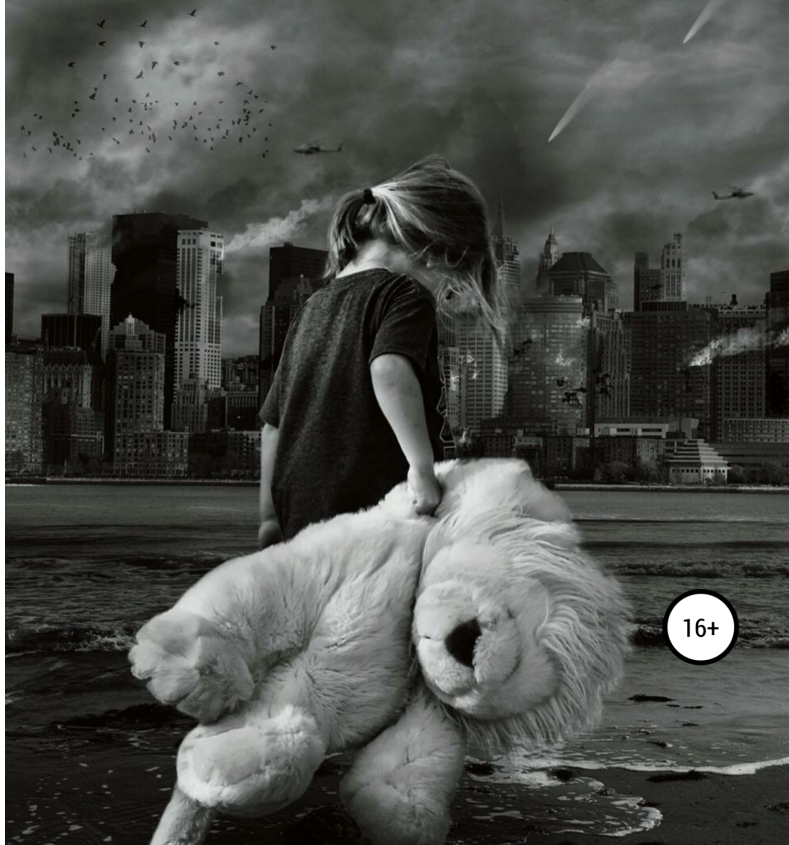

КОЛЫБЕЛЬ

качается над бездной

16+

МАРИНА АЛАНТ

Марина Алант

Колыбель качается над бездной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40430804

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-07498-9

Аннотация

Перед вами нетривиальная история любви, основанная на реальных событиях, но при этом исполненная таинственности на грани мистики. Непредсказуемый, неуловимый, дерзкий мужчина вовлекает женщину в любовную игру с неизвестным финалом. Готовая рисковать ради страстного чувства, она с вызовом принимает предложенную роль, завораживая, интригуя и расставляя ловушки. Эмоциональные отношения приобретают подчас характер жестоких состязаний. Судьба обрывает опасную игру на краю трагедии, отдавая только одному и мучительную боль, и превосходство. Шокирующий финал подчеркивает силу и смысл истинных ценностей человеческой жизни.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	54
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марина Алант

Колыбель качается над бездной

Моей нерожденной дочери

Колыбель качается над бездной. Заглушая шёпот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально чёрными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час.

В. Набоков. Другие берега

Душа, совершившая предательство, всякую неожиданность воспринимает как начало возмездия.

Фазиль А. Искандер

Ты предал меня. Но я буду жить дальше, зная, что я жив. Но сможешь ли ты жить дальше, зная, что ты жив?

Рон Ли

Зачем обманывать читателя? Зачем придумывать истории, которых никогда не было? Хорошо, если можно почерпнуть из них жизнеутверждающий пример о возможности счастливой любви, об исполнении самых изощренных желаний. И непременно при внушении полезного условия покончить с унылым проведением жизни и начать строить лестницу в небо, сокращая расстояние до солнца. Хотя я ли судья? Пусть пишут, пусть фантазируют, если это кому-то нужно. Да и у меня есть своя творческая мания – добывать такие истории из реальной жизни, в которые трудно поверить, и в момент неверия победоносно заявлять, что это самая что ни на есть правда.

Правду жизни, которая вызывает удивление, в прессе величают сенсацией. А для покорения праздного читателя достаточна сенсация вымышленная. Не ищи, не открывай – только плесни воображения (здорового или не очень...) Но теперь у вас есть я и моя история без вымысла. Она привлекла меня не только тем, чем привлекла бы журналистов, перевернувшихся с ног на голову в поисках разгадки случившегося чуда.

Эта пронзительная история любви – крик души, сумасшедший полет в бездну нетривиальных ощущений и чувств, где любовь отрицает любовь, где страсть настолько велика, что ничтожна, где незримо малое обладает сокрушительной силой, где триумф достается проигравшему. А шокирующий итог лишь подчеркивает силу и смысл взлелеянного веками

постулата.

Я не вправе посвятить вас в то, каким способом проникла в чужую тайну. Верите вы или нет, что мне добровольно вручили сокровенное на условиях сокрытия истинных имен? Как знаете. Но я обещаю никого не потревожить. Удивляйтесь и любите жизнь!

Глава 1

Не первый раз машина пожарной службы несется по одному и тому же адресу, заставляя прижиматься транспорт к обочине. Выдвигается лестница, высыпают удалыцы. Один ловко карабкается по растущим ступенькам на самый верх многоэтажки, остальные растягивают батут. На краю покатой крыши стоит ребенок лет пяти, с любопытством наблюдает за суетой внизу. Наконец, пожарный достигает вершины, и ребенок доверчиво идет к нему на руки. Лестница ползет вниз к спасительному для людей обетованию. Только не для этого ребенка. Ему на земле неинтересно. Об этом уже знает дежурный караул.

– Зачем же ты опять забралась на крышу? – спрашивает спасатель, прижимая девочку к себе.

– Я ждала, когда полечу.

– Вот как? Боюсь, я тебя огорчу, малышка. Люди не летают.

– Откуда вы знаете? У вас не получилось?

Мужчина с любопытством рассматривал девочку. С виду обычный ребенок. Только брови, немного сросшиеся на переносице, добавляют взгляду капельку взрослой мудрости. И еще одна странная особенность: на кончиках ушей – едва заметные светлые волосинки, напоминающие беличьи кисточки.

Чудно!

– Послушай, я – пожарный. А пожарных положено слушаться. На крыши лазить нельзя. Вот мы тебя спасаем, а где-нибудь пожар. И тушить его некому, потому что мы заняты пустяками. Поняла?

– Поняла. Теперь мама опять уволит няню.

– Почему?

– Не усмотрела за ребенком.

– Чудной ты ребенок! Прямо наказание какое-то! А на крышу больше не лазь. Тогда возьму тебя пожарным работать, когда подрастешь.

Восемь лет назад...

Очень не люблю кабинеты. Это отзвук моей подростковой робости и стыда за неё. Я с трудом заводила знакомства, неумело общалась. Отчасти потому, что медленно росла и запоздало по-девичьи округлялась. Видя, как отличаюсь от сверстниц, порой считала себя неполноценной. Тогда я сознательно избегала оказаться на фоне тех, кто выше (во всех смыслах). Вот одна тонкая нить веревочки будущих причин. Сейчас я чуть дальше от временной впадинки отроческих неполноценностей: мне тридцать шесть... Робость и “неумехость” позади, а боязнь кабинетов – слабый осадок памяти.

Тем не менее, на прием к высокому “чину” я записалась. В его власти было помочь мне, а в моей способности к до-

кументодобыче – отцу. Два года он тяжело болен. Ничего не знает о конечном исходе болезни и ждет выздоровления. Врачей удивляет небывало долгое пребывание больного на этом свете. А нас с мамой удивляет почти мистическое стечение обстоятельств: в тот самый момент, когда обреченный человек держится за жизнь вопреки прогнозам и статистике, медицина делает шаг вперед и бросает вызов страшной болезни. Это событие мы восприняли как знак свыше. Чудесное изобретение прошло все испытания, как положено, получило разрешение Минздрав(а), но в массовое производство еще не поступило. Достать его было почти невозможно. Но именно это “почти” и стало для нас обнадеживающей радостью.

После того, как мы получили в столичном институте миллион справок о стопроцентном соответствии болезни изобретенному препарату (не наоборот!), посетили и “мин”, и “здрав”, дорога привела к областному “надсмотрению” за средствами.

Забегая вперед, расскажу со скорбью, что лекарство мы достали, но два курса лечения, как полагалось, провести не успели. Оказалось, слишком поздно. Чудо осталось невостребованным. Отец умер.

Но эти трагические обстоятельства стали началом созидания самой главной ценности на земле!..

Я перед кабинетом, ухоженная, тщательно одетая, но с

усталым отрешенным взглядом и опущенными уголками губ. Я давно так выгляжу. У меня депрессия. После череды стрессов вкус к жизни растаял. Семья, любовь, ощущение устойчивости однажды сменились на пьяные скандалы, ночи на полу, уходящую надежду и нарастающее отчаяние. Позже, оглянувшись вокруг, я поняла – банальность, которая оглушила меня вероломной возможностью в моей собственной жизни.

Я сняла квартиру, и мы с сыном “отселились” от проблемы. Жили среди старой мебели, в комнате, разделенной шкафом на двоих. На безбедный быт моего дохода хватало. Я арендовала магазин и еще подрабатывала внештатным корреспондентом в негромкой газете. Иногда случались деньги на дорогие салоны красоты, но мне подобные заведения перестали быть интересны, что объяснимо с позиции устойчивой затяжной депрессии. Словом, эти самые салоны я посещала лишь по мере острой надобности. Например, такой, как сегодня.

Объявили мою фамилию, и меня охватило волнение. Надо сказать, (Внимание! Увертюра!) наш самодержец – очень необычная личность. Ни одна знаменитость, смею сравнить, не вызывает такого количества эмоций и разговоров, причем как скандальных, так и восхищенных! Этого человека я видела только на экране телевизора. Он ошеломительно некрасив, что вызывает тягу к любованию. Невероятная схожесть с неким небывалым существом вроде тролля, добавляющая

его неординарности еще и мистичность, поражает наотмашь и, что парадоксально, завораживает. Разговоры вызваны, разумеется, не только его внешностью, а и делами, и еще возможностями, связями, проникновенностью (в смысле умения проникать в недоступные места, а неприступные брать приступом). Кто-то хвалит его неподкупную строгость, кто-то ругает бесцеремонную манеру поведения. Доброту и готовность помочь перемешивают с высокомерием и жестокостью. Однако поток людей к нему не оскудевает.

В первом секторе проверили мои документы. За второй дверь секретарша записала мою фамилию и проводила к третьей двери. Пока несколько секунд церемонии держали меня перед главным входом, я услышала ЕГО голос. Вероятно, Глава говорил по телефону. Верьте – не верьте, в ту минуту мелкая дрожь пробежала по моему телу. В подсознании проявилось цветное ощущение, что за этой дверью – один из пазлов картинки моей личной жизни. Я вошла, увидела ЕГО, рассыпалась на флюиды и примагнитилась.

Почему примагнитилась, а не оттолкнулась – не понятно. Закинутые на рабочий стол ноги, дымящаяся сигарета и никакой реакции на моё появление – картина шарма излучать не могла. Но в этой нешармической обстановке мне было так уютно, будто меня усадили к камину. Он даже не взглянул в мою сторону, поглощенный чтением какого-то документа, а я, обычно гордая и вспыльчивая, наслаждалась его отсутствующим присутствием.

Впорхнула секретарша, заворковала с главой. Я сидела словно невидимая, но не обижалась, а любопытствовала про себя, какие ценности за замком его высокомерия.

Перед уходом секретарша заметила, словно зная его нрав:

– Вы бы девушкой занялись, Андрей Константинович.

– Девушкой? – задумчиво переспросил босс и первый раз взглянул на меня. Вот здесь и произошло что-то судьбоносное. Выражение его лица не изменилось, а я все же уловила тоненькую ниточку флюидов, которая протянулась ко мне и примагнитилась.

– Да девушка-то не первой свежести, – отпускает мужчина-монстр, но я чувствую, что чувствует он, и этим согреваюсь изнутри.

Тот день положил начало длительной разрушительной паранойе, которая привела меня ... на самый пик счастья!

К следующей кабинетной встрече положительного исхода все еще не было. Однако этот заботливый, небезразличный к чужому горю человек (в обратном не было бы смысла) пообещал, что постарается мне помочь и добавил, что найти средства там, где их нет, почти невозможно...

Он уже знал обо мне все: кто я, где работаю, когда ушла от мужа (!) и почему. И, между прочим, знал не от меня. То ли хотел поразить своими возможностями, то ли на самом деле заинтересовался моей персоной. Ошеломить ему меня удалось.

Мы говорили не только о деле, но и по душам. При мне он

больше не закидывал ноги на стол, не важничал, не сквернословил (как выяснилось, он не утруждал себя положенной его статусу вежливостью). От чрезмерного уважения к нему и набегающего чувства я ощущала жуткую неуверенность, но изо всех сил старалась этого не показать. Вела себя достойно.

Несколько дней прошло до нашей следующей встречи. Я не находила себе места, считая дни и часы, ведь каждая минута для отца и нас с мамой была бесценна! К тому же мысли о Нем не оставляли меня в покое. Здравствуй, непоседа-влюбленность!

Третья и обещающая быть заключительной аудиенция была им назначена на конец рабочего дня.

Что ж, он нашел нужные способы, чтобы найти для нас нужные средства. Всё получилось! Как не восхититься таким Главой? Единственная червоточинка досаждала мне: последние минуты встречи истекают...

И мне кажется, что и он как будто не спешит прощаться. Затягивает разговор, а что-то и вовсе сказать не осмеливается. Что же, что?

Я встаю, прощаюсь, благодарю. Он суетится и вдруг ... предлагает подвезти домой. Если это сон, не будите меня, пожалуйста! Я соглашаюсь и не допускаю мысли, что нравлюсь ему.

Водитель открывает заднюю дверцу черного "Nissan Patrol". Я на ходу листаю в памяти правила этикета в отно-

шении дополнительной ступеньки. Андрей Константинович галантно усаживает меня в салон. Садится рядом. Мы плавно катим по вечернему городу. Я вдыхаю приятный аромат дорогого парфюма попутчика. Я скромна, молчалива ... Я счастлива!

Широкая, залитая светом улица, красиво смыкающая стройные линии частных домов в точку – даль, похожа на стаю великолепных птиц.

– А вот здесь я живу, – рассказывает мой попутчик. – Живу не один (ждет, что я насторожусь). Живу с мамой. Она очень плохо ходит. Вот сейчас приду и буду готовить ужин. Себе и маме (и я, конечно, оценю, какой он нежный сын). До свидания, Наталья Романовна. Вас отвезут.

И покидает меня. Наш автомобиль (интересно, чей это наш?) выпархивает с улицы “великолепных птиц” и мчится лайнером мимо сверкающего изобилия витрин и рекламных вывесок.

Глава 2

Прошло время, но я не забыла чудесной маленькой поездки. Ожила, заблестела и с любопытством стала относиться ... к телевизору.

Однажды мне позвонила моя сотрудница и сообщила, что меня ждет мужчина. Я примчалась в свой магазин и сразу узнала водителя, знакомству с которым была обязана зеркалу заднего вида.

– Наталья Романовна, вы не могли бы поехать со мной?

“Да!” – хотела выкрикнуть я, но собралась с духом и спокойно ответила:

– Да.

Был вечер и за окошком высокого джипа он стелился с каким-то особенным упоением. Мы прикатили к знакомому роскошному дому, и водитель сделал безответный звонок. Ворота сами собой распахнулись (как в передаче “В гостях у сказки”), и мой “знакомый по зеркалу”, проводил меня внутрь двора, где стоял черный внедорожник. Без объяснений сопровождающий вернулся к “лайнеру” и тут же укатил.

Я послушно стояла не двигаясь. Вероятно, полминуты, не меньше. И тут фары внедорожника вспыхнули, ослепив меня в прямом и переносном смысле. Будь я менее наивной, раскусила бы с усмешкой напускную эффектность такого жеста,

а точнее, хитрого эксперимента с целью выявить мою непрозорливость. Открылась черная, люто тонированная дверца, и передо мной предстал Сам. Уже не такой кабинетный, подавляющий торжеством, а в джинсах и короткой куртке.

– Здравствуйте, Наталья Романовна! – сказал мужчина с шутиливой распевностью и даже слегка поклонился.

– Здравствуйте, Андрей Константинович. Вы хотели меня видеть?

– А разве вы не хотели видеть меня? Как вам идея прокатиться со мной?

И мы поехали. Кружили по городу, разговаривали о том, о сем, улыбались друг другу. В один прекрасный момент из-за пазухи его куртки явилась маленькая пушистая обезьянка (игрушечная).

– Это мне?

– Вам.

– Спасибо.

Он поинтересовался здоровьем моего отца, расспросил о ребенке, не забыл осведомиться об успехах в бизнесе. За городом остановил внедорожник и повернулся ко мне.

– Наташа, я знаю о ваших проблемах с мужем. Знаю, что переживаете. И могу сказать, что все это не есть хорошо для состояния женщины, как физического, так и психического.

Я молчала и заморожено слушала. И чуть не сошла с ума от следующих слов:

– Вы мне очень нравитесь. Я хочу предложить вам обще-

ние.

– Что это значит?

– Не пугайтесь. Флирт мне не нужен. В свою очередь, если вы любите флиртовать, лучше откажитесь сразу.

– Мне жаль, что я произвела впечатление женщины, согласной на легкомысленный флирт.

– Нет, нет. Я думаю о вас иначе. Мне нужны серьезные отношения на много лет.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Я одинок, временные связи меня не устраивают, мне нужна только одна женщина. Сразу скажу, под одной крышей жить не буду, как бы этого не хотел. Мои дочери неспокойно пережили наш с женой развод. Это было пятнадцать лет назад, и до сих пор самыми дорогими людьми в моей жизни остаются дети, а теперь еще и внучка. Я живу для них.

Я поняла, что безоглядно влюблюсь в этого мужчину и пропаду, если вдруг однажды стану ему неинтересной. А кроме этого слухи о жизни странного человека долетали и до меня, и из данного зыбкого, а потому интригующего, источника мне было известно, что женщины толпами кидаются ему в ноги, и далеко не целомудренную жизнь ведет Глава. Да и кто бы на его месте устоял перед неубывающим соблазном?

– Андрей Константинович, меня очень тронули ваши слова. Но я хочу поступать так, чтобы потом уважать себя. Я всегда считала, что и мужчина, и любовь в жизни должны

быть единственными. К сожалению, я обожглась. Мне было очень больно. Экспериментов мне не нужно. Я очень осторожна. А деньги и статус мужчины для меня никогда не будут являться первой причиной отношений. Я не хотела вас обидеть, просто очень желаю, чтобы вы поняли меня.

– Я понял. Значит, вы, то есть ты отказываешь мне?

– Да ...

– Жаль. И зря. Мне кажется, что ты боишься лёгкого, поверхностного к себе отношения со стороны мужчины. Но я сам устал от таких отношений. Я не обижу тебя и хочу, чтобы мы были одним целым, поддерживали друг друга. Женщине трудно без мужского плеча. Подумай, пожалуйста.

– Хорошо, я подумаю.

Как хотелось крикнуть: “Согласна!”

Но я панически боялась, что будет больно потом. Его власть, его уверенность в себе и “отшлифованный” эпатаж всегда будут превалировать над моим нравом. А интересно равновесие.

– Сколько времени ты будешь думать?

– Дайте мне две недели.

– Хорошо.

Мне показалось, что его настроение ухудшилось. Легко и быстро мы пронеслись по свободным вечерним улицам и оказались у моего дома. Однако к подъезду Глава не поехал, остановился чуть раньше, где шансов у прохожих увидеть его было меньше всего.

Мужчина вышел и открыл дверцу с моей стороны.

– До свидания, Наташа, – грустно улыбнулся.

– До свидания, Андрей Константинович.

Все последующие дни я летала, я грустила ...

Однажды в мой магазин принесли корзину цветов. А еще через три дня – букет прямо домой. В каждом из этих подарков лежала записка: “С надеждой. А.К.”

До этого момента я думала, что чудеса на свете случаются крайне редко и только не в моей жизни. А тут после затяжной депрессии такой фейерверк эмоций!

Обезьянка сидела на переднем сиденье моей машины и еще несколько дней хранила запах его парфюма. Я слушала музыку, которая в тот вечер звучала у него в салоне и вспоминала, как еще стоя за дверью, почувствовала, что этот мужчина мне понравится. Да, его статус не мог не сыграть определенную роль, ведь это показатель ума и силы личности. Но в моих внезапных чувствах роль статуса второстепенна. Сначала что-то тронуло меня в его голосе, а потом, в момент встречи наших взглядов, два сердца застучали в унисон. Такое в среднем и зрелом возрасте – редкая роскошь. Поклонник старше меня на тринадцать лет.

Я еще раздумывала над его предложением, всё больше склоняясь к убеждению в его принадлежности к числу настоящих мужчин (к тридцати шести я все еще не избавилась от потребности верить в такое). В нем чувствовалась надежность. Привычка властвовать была схожа с отцовской забот-

ливостью и в нужный момент, наверное, плавно перетекала из первой во вторую. Я начала догадываться, что манера его поведения, близкая к эпатажной, может являться как стремлением привлечь внимание, так и защитой – таким куражом с целью стряхнуть с себя массу чужих проблем, принятых за день. В любом случае это маска. Под ней он другой.

На первый взгляд все хорошо. Что же все-таки вызывает сомнение? Я сама. Это будет каждодневная борьба за интерес избалованного успехом и вниманием мужчины. Я не смогу позволить себе расслабиться, какой была при жизни с мужем в первые годы (не сомневаясь в его любви). Мужа не надо было снова и снова покорять, стало достаточным просто быть рядом. Теперь мужчина на порядок выше. Смогу ли я ему соответствовать? Отвержения я не перенесу (к сожалению или к счастью, я – максималист и ко всему в жизни отношусь завышено серьезно).

Я все прикидывала, каким образом мужчина даст о себе знать, но вариант не угадала. Глава оказался очень пунктуален. Ровно через две недели, когда мое волнение дошло до лихорадки, он появился в моем магазине именно в то время, в какое обычно я там бывала. Впрочем, ему ничего не стоило выяснить это. Буквально за пару минут до закрытия вошел один из обитателей черного джипа-сопроводителя, чтобы убедиться в отсутствии посетителей. А затем появился он – мой Монстр, моя выразительная личность. Продавщица растерялась и забыла поздороваться. Да и я сама чуть не

выронила из рук кассовый журнал. Легкий намек security, однако, мы поняли обе: закрыли дверь на ключ. Гость с доброй важностью принялся рассматривать содержимое витрин, где красочным ковром расстилались многочисленные ряды дисков с фильмами, музыкой, компьютерными играми и всяческой другой интеллектуальной всячиной. Я создала свой магазин сама, любила и лелеяла его. Поэтому он дарил мне любовь покупателей и неплохой доход. Мне нравилось в какой-то мере иметь отношение к сфере культуры и искусства.

Обнаружив во внимании Главы заинтересованность, а не просто желание завуалировать повод прихода, я с удовольствием стала его экскурсоводом. Всё внимательно рассмотрев и расспросив, гость неожиданно направился к выходу. Несколько секунд я растерянно хлопала ресницами, но, чуть придя в себя, бросилась к порогу. Сотрудница за мной. Черный джип стоял неподалеку и не трогался с места. Я его узнала по номеру (сразу запоминаю знаки). Кстати, на личной машине Монстра красовались цифры такие же, как и на моей, только в другом порядке. Эти три цифры имели для меня судьбоносное значение на протяжении всей жизни. Вот они: единица, двойка, девятка. Судите сами. Я и мой ребенок появились на свет девятого числа. Замуж я вышла в двадцать один год (два, один) и даже двадцать первого числа. Календарный год моего замужества и следующий год рождения сына в сумме составляют числа двадцать один и двадцать два. Годы взросления, которые в числовом значении делились на

девять – день моего рождения, оказывались судьбоносными или даже переломными: восемнадцатилетие и двадцатисемилетие. Стоп! Мне ведь сейчас тридцать шесть! Ничего себе!

Интересно, приезжал ли глава на другом автомобиле? Тогда почему security остались здесь? Не может ли он оказаться внутри черного джипа? Я жутко волновалась, спешила с закрытием, терялась с ответами на вопросы любопытной продавщицы. На улице мы с ней попрощались, разошлись в разные стороны. Черный “Patrol” стоял себе невозмутимо и торжественно на прежнем месте. Я шла не по направлению к нему, а скромно мимо. В момент моего “намагниченного” мимо, окошко в машине опустилось, и знакомый (до сердечного пощипывания) голос окликнул меня

Я забралась на заднее сиденье огромной машины, попала в ауру Всеуважаемого, и джип медленно покатил.

– Так что вы решили, Наталья Романовна? Что ты, Наташа, решила?

У меня почему-то перехватило дыхание, и голос пропал.

– Ты вообще что-нибудь решила? – настаивал мужчина.

– Да, решила.

– И что?

– Я скажу об этом только вам одному. При посторонних не буду.

Мой гордый каприз ему понравился, хотя несколько насторожил.

– Хорошо, – выдохнул он.

На улице “великолепных птиц” мы пересели в черный, остывший от ожидания внедорожник с судьбоносным номером и остались одни. Великолепный Монстр завел двигатель, чтобы прогреть салон. Расспрашивать не спешил. Мы сосредоточенно молчали. А мне в этот момент пришла в голову мысль, что встретились мы впервые двадцать второго ноября. Два, два, один, один! Какая привлекательная мистика!

– Ну что ты мне скажешь? – он улыбнулся, но как-то грустно, и опустил голову на руль. В таком положении он меня и слушал.

– Вы знаете, я долго думала, обнималась с вашей обезьянкой и приняла решение. Дело в том, что я не могу ... Не могу оставить в жизни все как есть: депрессия, потеря интереса, ощущение, что жизнь подошла к концу и ничего уже не будет. Поэтому я говорю да.

Он поднял голову и, не взглянув на меня, нажал педаль газа. Ворота автоматически открылись, отозвавшись на нажмёк пульта, и мы всколыхнули ночь.

– Ты не боишься мне довериться? – загадочно спросил мужчина.

– Не боюсь, – прошептала я.

С трепетом в душе я рисовала себе картину нашего торжественного появления в каком-нибудь дорогом престижном ресторане и мучилась вопросом, достаточно ли прилично я одета, но мы оказались за городом, свернули на незна-

комую дорогу, гладкую и беленькую, словно отшлифованную. Невысокие молодые елочки словно по команде “смирно” выстроились вдоль маршрута, сопровождая нас к особняку. Ковер футбольного поля “особил” жилище еще больше, это выяснится днем, а ночью виден корабль на открытой воде, прошу прощения, дом на открытых просторах. Выхоленный, оранжевокирпичный, окаймленный белой колоннадой и белыми декоративными камнями, корабль-дом встретил меня с чопорной вежливостью. С подобным недоверием – неодобрением, хотя и послушно, встречают гостей благородные псы, приструненные хозяином.

Дайте переводу дух, прежде чем опишу увиденное, а скорее невиданное. Уже только освещение способно кого угодно заморозить! Оно функционирует в нескольких вариантах на выбор: шикарная люстра под потолком; маленькие круглые светильники по периметру стен; светильники в потолочных нишах, вместе с которыми вспыхивает скрытая неоновая подсветка внутри стеклянного подиума. Это ж надо так красиво изошряться – построить в центре дома подиум со стеклянным полом! На нем величаво почивает мебель из белой кожи: диван, совмещенный с креслами и квадратный пуф. Никогда не понимала, для чего предназначена эта вещь: сидеть без спинки неудобно, лежать можно, только свернувшись калачиком, использовать в роли столика – мягко и низко. Жалко денег и занятого им места. А сейчас увидела и поняла: пуфик нужен для красоты! Он так уютно и

безобидно устроился в просторном помещении, что вызывает умиление!

Больше всего меня растрогали синий камин и рассыпанные под стеклом подиума в качестве украшения морские ракушки и камушки на золотистом песке. Настоящая зона отдыха, навевающая мысли о море, спокойствии, благодати! Квадратная ниша в потолке геометрично повторяет стеклянный подиум, и по ее периметру, словно струи водопада, ниспадают светильники на длинных нитях.

– Садись вот сюда, – повелел Глава, указав на белокожанное кресло, а сам деловито принялся ухаживать. На столе появились фрукты, конфеты, бутылка вина.

– Это чилийское вино. Одно из самых дорогих и вкусных. Пробовала когда-нибудь такое?

Я покачала головой и виновато улыбнулась.

– Вот так-то, друг мой. Теперь будешь пить только такие вина и только из моих рук. Никаких дешевых ресторанов, всяких грязных танцев и так далее.

– Я не ... – пыталась было возразить я.

– Шучу, шучу, моя хорошая. Расслабляйся.

Я следила за каждым своим движением, словом, взглядом, при этом тщетно старалась выглядеть естественно.

Вино было нежным, терпким и необычным. После первого бокала наступило состояние затягивающего счастья, а тело стало свободным, безмятежным, словно я им владеть больше не считала нужным.

Великолепный Монстр сидел у моих ног прямо на полу и при этом умудрялся оставаться в роли повелителя.

– А теперь пойдем, полежим.

От такого скоропостижного перехода я потеряла дар речи. Не дожидаясь ответа, хозяин взял из моих рук бокал, поднял меня за локоть и повел в спальню. Я превосходно знала, как нужно поступить, но ничего не смогло заставить меня поступить так, как нужно. Я будто проглотила язык, отключила голову, растеряла всю “воспитанность” и лишилась приобретенных взглядов на жизнь. Да и думала в тот миг несколько ни об этом...

Я могла бы с восхищением описать приватную роскошь, но не в состоянии: слишком сосредоточена на грядущем событии.

Он был настойчив и нежен и, доведя меня блестящей техникой до головокружительного возбуждения, уверенно, безо всяких неуместных к данному вопросу томностей сказал:

– Ничего не бойся. У меня не может быть детей. Десять лет назад я перенес одну “разрисованную” детскую болезнь.

Глава 3

В общем, закрутился наш роман. Я настолько была охвачена счастьем, что с трудом сдерживала желание поделиться им с друзьями. Старалась всё же молчать на всякий случай. Правда, мама, навещая нас, не раз замечала в комнате цветы. Наличие поклонника стало очевидным, но его имя оставалось неизвестным.

Я изо всех сил старалась соответствовать моему герою. Ухаживала за собой день и ночь, тратила нелишние деньги на “экипировку” и особенно на красивое бельё.

Мы продолжали встречаться в загородном особняке. Теперь, когда я немного пришла в себя, испытываю непреодолимое желание погрузить вас в private сказку, где побывала я. В абсолютно стеклянной стене – абсолютно стеклянная дверь, ведущая к одру любви. На матовом стекле – ручная роспись: контурный пейзаж. Пол из светлого дуба контрастирует с черным глянцевым потолком и кроватью из темного дерева. Вы, несомненно, были бы околдованы изыском этого контраста! Но окончательно меня “нокаутировали” ярко-красное в отливах покрывало и многочисленные розы того же цвета в высоченной вазе под сенью черных (!) штор. У Главы странный, но прекрасный вкус и даже необычная для его манер и возраста щепетильная детальность.

Так на чем я остановилась?

Я была покорена его изобретательностью в постели и чувствовала себя хрупкой игрушкой в сильных бережных руках. И мне безумно это нравилось: к тому времени я устала быть сильной. Я боготворила его возраст, как дочь – надежность отца. Но было одно “но”, которое держало меня начеку: больше всего я боялась перестать быть ему интересной и решила, что должна, если не постоянно, то хотя бы время от времени его удивлять. Почему я настроила себя на роль должника вместо того, чтобы наслаждаться любовью, объяснить не могу и сейчас. Возможно, сама взрастила в себе паранойю.

Я справлялась с задачей, поставленной собственноручно, поначалу не слишком уверенно, зато потом – приобретая вкус и опыт авантюр. Что я только не придумывала, чтобы внести изюминку в наше общение и пощекотать нервы (во благо) моему избраннику!

А однажды проснувшись среди ночи, я поняла, что задыхаюсь от нахлынувших в мою голову слов и строк. Схватив ручку, я бросилась записывать вырывающиеся из меня слова, подчас не успевая. Так я стояла среди комнаты разутая, взлохмаченная, ошарашенная непониманием, что со мной происходит. Раньше, мечтая творить что-нибудь более прекрасное, чем статьи, я пыталась сочинить хотя бы одну поэтическую строчку. Но тщетно. Я только ерзала на стуле и грызла то ручку, то ногти.

На следующее утро я прочла в своем блокноте:

Зачем я колкость, а не лесть
Произношу, сама не чаю ...
Такая маленькая месть
За то, что по тебе скучаю!

Я знаю, ты меня простишь
За безобидные сюрпризы.
Я – избалованный малыш,
И мне позволены капризы!

И таких высокоскоростных экспромтов случалось еще не мало. Волшебница, да и только! Дождавшись его похвалы во всех подобных случаях, я наслаждалась победой, словно школьница заслуженной оценкой. В ответ он блистал познаниями в области литературы и музыки. Цитировал классиков и современников. Приносил музыкальные диски, словно учебное пособие на урок, и мы под слёзный шансон пили вино, сладко пьянея, под возбуждающий блюз обливали вином друг друга, и я выласкивала губами его пупок до доньшка, а потом занимались любовью под Моцарта.

Однажды, пока водитель вез меня к особняку, где объект моих желаний уже прибывал в ожидании, я набрала его номер.

- Вы меня ждёте? – страстно шептала.
- Да, – мне в ответ ласково вполголоса.
- А моё любимое вино уже в бокалах плещется?

– Да, сейчас будет.

– А на вас мои любимые плавки с далматинцами?

– Перестань, маленькая развратница!

– Ну, с далматинцами?

– Да.

– Тогда еду.

Водитель оставлял меня одну в пустынной тиши, разлитой вокруг роскоши. Я снова набирала заветный номер и с грустью лепетала:

– Мне так жаль! Я не смогу сегодня приехать. У меня появились важные дела.

– Что ж, дела так дела, – обречённо, но с должной стойкостью звучал ответ.

Тогда я скользила мимо камер и сторожа, всегда встречающего меня с доброй улыбкой, взлетала по ступенькам и нажимала кнопку звонка. Полагаю, с недоуменным раздражительным видом он шел к двери, ожидая увидеть кого-нибудь из фаворитов, ведь больше ни души не знает о том, что он здесь, а на пороге – я. Прыгаю, хлопаю в ладоши. От моих милых шалостей, неожиданно выпрыгивающих из далекого детства, он теряется, иногда для солидности сердится, но ничего не помогает охладить разыгравшееся во мне ребячество.

В другой раз несла в спальню вазу с фруктами и, завязав обмякшему после нежностей сибариту глаза, баловала его ... игрой в “угадайку”. Если он отгадывал, кусочком какого

фрукта я касаюсь его губ, то получал уладу на зубок. Как забавно, нарушая нестрогие правила, выглядывал кончик его языка, чтобы помочь отгадке вкусом! И тогда к разочарованию алчущего я съедала неугаданный кусочек сама. А потом, зажав губами половинку абрикоса, незаметно подкрадывалась близко-близко (не дыша) и скользила другой половинкой по его губам, зная точно, как он поступит. Он замирал (хищник, готовый к прыжку) и впивался в плод зубами, норовя обмануть. Наши губы встречались. Это был веселый и сладкий поцелуй.

Я танцевала танцы смелости, чтобы преодолеть неуверенность перед Монстром, и играла любовные спектакли, не подпуская скуку на порог его хрупкого интереса ко мне.

Я терзала его смс-ками, в которых указывала только заглавные буквы несказанных слов. Глубокой ночью отправляла: “Я Т Л.” Он притворно не догадывался и, предвкушая приятное, требовал полноценного звучания послания. Подразнив сонного правителя, я, наконец, выдавала: “Я только легла”.

И тогда Монстр исчезал на несколько дней, наказывая меня за покушение на его “королевскую” гордость, а я не находила себе места. Как только начинала думать, что это конец, ах, ах, внезапно на моем телефоне загорались одиннадцать магических цифр.

– Ты мне нужна сегодня как женщина! – загадочно вещал знакомый голос.

– Это как? – таяла я.

– А ты не знаешь? Ну же, догадайся! – голос становился еще более загадочным.

– Ах, я вас не понимаю. Говорите прямо.

– Хорошо. Иди в ресторан, закажи там на вынос что-нибудь съестное для поста (Монстр соблюдал посты) и принеси мне. Я очень голоден. Говорю же, нужна как женщина. А ты что подумала?

А я обижалась. Но шла, заказывала, хотя с помощью миллиона способов он мог это сделать сам, несла сумки к его кабинету. И вот здесь мне указывалось моё место.

– Подождите, – говорила секретарша, с недоумением уставившись на меня, и я, не успев еще войти, отступала за порог, путаясь в сумках. А потом сидела среди посетителей, поглядывающих на мою ношу и принимающих её, вероятно, за внушительную взятку. Сидела долго-долго и прятала увлажняющиеся от обиды глаза, абсолютно уверенная, что подобное содержание меня “в черном теле” было запланировано. Наконец, мне разрешалось войти. Я ставила сумки на стол и, гордо вскинув голову, спешила удалиться. И никакие реплики Главы, почувствовавшего себя виноватым, не способны были меня остановить.

Полденёчка оставляла его звонки без ответа, а дальше действовала его же методом: наконец, брала трубку и деловито заявляла:

– А теперь, дорогой Андрей Константинович, вы понадо-

бьтесь мне в качестве мужчины. На сей раз в прямом смысле. Долг платежом красен!

– Это как? – предвкушал и недоумевал одновременно.

– Уверена, вы в этих вопросах лучше осведомлены и более опытни. И, простите, стыдливость женская не позволяет подвергнуть сомнениям ваши обширные познания.

На этом я отключалась.

И вскоре моя гордость вознаграждалась. Помню, какой шок испытала продавщица, когда после закрытия магазина вслед за настойчивым стуком в дверь появился Сам (не можете себе представить) в валенках и с огромным букетом цветов. И цветы были темно-синие, как звездная ночь! Но это была ещё не вся программа на вечер. Я не приняла цветы (вот ещё!), и мой воздыхатель (даже не пытайтесь представить) улегся на полу и пообещал, что не встанет до утра.

У бедной девушки челюсть, расслабившись, отвисла. А я покраснела, тут же побледнела и взвизгнула:

– И зачем вы здесь разлеглись?

– На звезды любуюсь, разве не видишь?

Мы с дружкой–продавщицей переглянулись, и уже обе стояли с открытыми ртами, хотя я была наслышана о его эпатажных чудачествах. Сопроводитель топтался в дверях и удивления не выражал. То ли привык к неадекватным выходкам хозяина, то ли выражать что-либо ему было не положено.

Отдохнув на полу, почетный гость накопил у меня целую

гору дисков с фильмами. Продавщица бросилась закрывать дверцы шкафчиков – витрин после вторжения, попалась гостью под руку и получила от него подарок. Содержимое полки с мелодрамами перекочевало к ней под мышку. Подозреваю, после этого она бесповоротно его полюбила. Патриотической любовью. А валенки и звезды надолго останутся в нашей памяти.

Да, так было, так было.

Всё на первый взгляд, точнее на первый слог кажется сказочным и через край счастливым. Но на самом деле счастливому насыщению мешала тревога. Спокойно я не чувствовала себя никогда. Каждый день почему-то казалось, что ОН больше не позвонит. Я ждала слов любви, но постепенно привыкла к их неизменному отсутствию. Я испытывала болезненную тягу прижаться к своему мужчине, приласкаться. Но он заключал меня в объятия только в постели, а по окончании мужской страсти тут же вставал, одевался, и мы прощались. Я несостоятельно мечтала о целой ночи с ним, о нежности после близости и о подтверждении его чувств ко мне. И этих важных составляющих отношений не получала. Он уходил, я грустила. Хотя бы на минуту забыть о его высоком положении не представлялось возможным. Я хотела его безумно. Так я не хотела никого за всю свою жизнь.

Один раз я осторожно спросила, любил ли он когда-нибудь.

– Я не знаю, что такое любовь, – был ответ. – Я когда-то

встречался с женщиной пятнадцать лет. Из-за неё с женой развелся. Думал, люблю, а потом остыл. Она долго еще ждала от меня предложения руки и сердца. Не дождалась. Слова я считаю иллюзией. Настоящее подтверждение хорошего отношения к женщине – это поступки. Я всем своим женщинам помогал. Хорошо помогал. Они до сих пор боготворят меня. А «люблю» я не говорил никому. Я не словоблуд. Вот так.

Я пускалась во всех подробностях описывать первые годы жизни с мужем: его нежность, ласку, бесконечные объятия и слова любви. Я не обманывала друга, все так и было. Но друга не тронули мои слова.

– Да что муж! – посмеивался он. – В чем заключается его любовь? Вы скитаетесь по съемным квартирам, а ему все равно. Сына не навещает, тебе не помогает. Разве так поступают мужчины? У него земля горит под ногами, а он продолжает пьянствовать. Нормальный мужик сам бы снял жилье и ушел, а жене и ребенку квартиру оставил. Переживает ли он за вас? Скажи. А слова, объятия – мусор.

Я опустила голову.

– Между прочим, твоему ребенку в скором времени будущее надо устраивать. Когда он закончит школу?

– Через два года.

– В какое заведение будет поступать, решили?

– Еще нет.

– Как же так? Я с женой развелся, а старшую дочь изо всех

сил готовил в хороший институт. Все связи подключил, золотую медаль подстраховал. Знаешь, кто она у меня? Переводчик. Муж у нее умнейший. Никита. Люблю его как сына. Разведшколу заканчивает. Так ее туда на работу пригласили. Оценили превосходное знание языков. Давай-ка мы и твоим сыном займемся.

Благодетель, действительно, сделал несколько звонков, и репетиторы (не кто-нибудь, а профессора) ездили к нам на дом. Нужно было только успевать зарабатывать на оплату занятий. Пробивалась дорога в несколько институтов на выбор. Мое восхищение не знало границ. Но с ним росло чувство одиночества и тоска по этому человеку. Вопреки своим желаниям, я не всегда осмеливалась звонить ему первой. Он нередко бывал со мной и в то же время казался неуловимым. Преданность свободе превалировала над остальными его желаниями. Иногда страсть сменялась холодностью, внимание – высокомерием. Я думала только о нем, он обо мне вспоминал в паузах жизни. Я изводила себя постоянными думами о его местонахождении в свободное от работы время, жила ожиданием звонков и проявлений интереса ко мне. Он был непредсказуем и сложен как ребус.

Как-то после трехдневного молчания он как вихрь вечером ворвался в мой магазин (на этот раз без охраны), когда я уже отпустила продавщицу домой, и буквально набросился на меня. Неистово ласкал и целовал, одежду кидал прямо на пол. Поднял меня легкую и горячую, посадил на ресепшн и

одарил любовью на рабочей зоне.

– Вот как сильно я захотел тебя, – объяснился, спешно одеваясь.

А потом снова исчез, заставив мое тело гореть сутки напролет.

Однако Монстр зорко следил за моей жизнью и всегда точно знал, где я и с кем. На день рождения моего сына подарил мне как всегда роскошный букет (для мамы мальчика), вино (для бабушки) и открытку («С днем рождения сына!»). Кстати, он поинтересовался, а поздравил ли меня бывший муж. И на этом свидание скоропостижно закончилось.

Муж не поздравил...

Мне приходилось не раз выслушивать упреки, если вечеринки у друзей заканчивались позже одиннадцати, или если моя машина простаивала у подъезда мужа более пятнадцати минут. Мне нравилась его ревность, но совсем не нравилась ревность собственная. Причин как будто не было, однако моя голова испытывала потребность придумывать их сама. Монстр словно держал меня на поводке, то отпускал, то подтягивал ближе. От свиданий с ним веяло официальностью, подчас снисходительностью, а не семейной теплотой, которой мне недоставало. Было ощущение, что мужчина держит меня за порогом своей жизни: дверь откроет, но в дом не пускает. Меня стала тяготить свобода, разлучающая нас. До ноющей боли внизу живота не хотелось возвращаться из его объятий в свою холодную постель. После встреч я

иногда плакала. Стала вспоминать первые годы жизни с мужем. Потянуло в прежнее жилище. Прошлая безмятежная жизнь (до жизни в смятении) ностальгически растеклась по уголкам души. Как могла она, запыленная “пьяными” мучительными годами, вдруг зазвучать в моей сегодняшней жизни, насыщенной эмоциональными аккордами?! Потому что от Монстра веет одиночеством, от его жизненных позиций – холодной чуждостью. С мужем пусть недолгий семейный уют я познала, а здесь лишь наболевшее состояние душевного голода.

Монстр продолжал властвовать и повелевать. Возвращаясь из столицы за полночь разбудил меня звонком, ласково но твердо попросил с ним поговорить (видите ли, ему скучно в дороге). Я нежно шептала в трубку, стараясь не разбудить сына. Через полчаса – та же бесцеремонная просьба, и еще, и еще, в самые сладкие минуты сна. А к четырем утра, а скорее, ночи бродила моя полуживая тень, шлепая босыми ногами, чтобы к приезду гостя был готов крепкий чай, который мужчина мог выпить по дороге на каждом шагу и сколько угодно. Так причем здесь чай? Конечно, он хочет меня.

Однако, порожка ниссана гость не переступил... Я несла термос к его машине, посматривая на темные окна соседей. Взял и уехал. Нет. Взял, поблагодарил и уехал. Вот так. Загадочный, загадочный мужчина! Но мне было не до выводов. Одна цель – доспать.

Глава 4

Восьмое марта. Илья (сынок) еще спит, а я сижу у окна с чашечкой кофе и с грустью наблюдаю, как других женщин мужчины с утра куда-то бегут. За цветами? Предполагаю и не ошибаюсь: с цветами и возвращаются. Грустить сегодня неуместно. Приходит в голову мысль: через час, когда Илюшка умылся и позавтракал, звонит на его телефон моя сотрудница Маша (номер, разумеется, выдала я). Илюшка и Маша о чем-то договариваются, и сын совершенно по-детски объясняет свой предстоящий уход (вернее, сочиняет). В мой магазин уже спешит сменщица, чтобы дать возможность первой отлучиться и исполнить тайный заговор. Сын возвращается со счастливыми глазами, букетом роз и бархатной коробочкой. В коробочке – золотая подвеска в форме буквы Н. Вот так я приучаю будущего мужчину дорого ценить женщин.

О моих думах, дабы не докучать вам, молчу. А ведь сами знаете, жду... И пока это ожидание длится, праздничное настроение не появляется. Гоню щемящую грусть. Час, другой и третий... И вот звонок. Ура! Приехал сам. Один и никакого сопровождения. Что вы, конечно, не к подъезду! Припарковался у безлюдного детского центра, закрытого по случаю праздника. Предпочитает не вызывать разговоров о своей персоне. А уж моя конурка таких гостей не дождетя точ-

но.

Но зато как здорово! Приехал сам. Просто и по-человечески. Я панически спешила и глупо злилась на не снимающиеся с вешалки вещи. Не могла отделаться от какого-то нелогичного страха. Вдруг не дожидается, уедет! Однако, тут же опомнилась, перевела дух. Стоп, так нельзя! Мужчины эгоистично воспринимают проявление женской преданности. Принимают как подарки, которые однажды перестают распечатывать.

Глава участливо справился о здоровье всех моих родных, об Илюшкиных занятиях, расспросил о работе и, наконец, перешел к делу. Вручил подарок. Ах! Золотая цепочка с подвеской в форме льва. Я – лев. По гороскопу, разумеется. Нет. Лучше так: Я – львица. Царица зверей, а может, и не только. А рядом – мой царь. И почему-то перед ним моя царская статья временно мне изменяет. А жаль. Я просто брежу мечтой о полном его покорении. Царь-Монстр застегнул золотой замочек на моей шее, полюбовался и остался доволен. И на этом... свидание подошло к концу.

– Бери Илью, советую, – советует, – и отправляйтесь к бабушке. Отметьте праздник в семейном кругу. Так будет правильно.

Я уже попрощалась, стала грустно выбираться из машины, как неожиданно грянули его слова, словно вдогонку, словно каким-то образом о них можно было забыть:

– Давай завтра встретимся, я свожу тебя в хороший ресто-

ран. Часов в пять, думаю, буду свободен. Тебя устроит такое время?

И спрашивать незачем. Меня устроит даже двадцать пятый час суток!

На следующий день я только и думала о встрече. До обеда переделала все дела, вечерние планы перепланировала, долго выбирала, что из одежды лучше всего подходит “первой леди”. Илью отправила восвояси к отцу. Там он прямехонько усаживался к компьютеру. В лучшем случае гулял с другом-соседским мальчишкой. Иногда оставался и ночевать. С моей стороны было только одно условие: папа должен быть трезвым. Но сегодня я даже не убедилась в состоянии последнего (становлюсь плохой матерью?).

Пять часов. Тишина. Полшестого. Снова тишина. Шесть. Конечно, в жизни Главы случился форс-мажор. Решилась. Позвонила сама. Телефон отключен. Ещё через полчаса я запаниковала. Неужели он забыл про меня? Как бы там ни было, набрать мой номер труда не составляет. До вечера я жила с вулканом в душе. С трудом дожила. Сейчас лягу спать, и на сегодня грусть закончится. Запищала смс-ка:

“Привет. Как дела?”

Что значит “как дела?” Просто забыл про меня? Я сижу в четырех стенах с шикарной прической в невероятно дорогом платье, и у меня свидание с ним на первом месте в жизни, а он просто не вспомнил! Ничего не отвечу.

“Значит, спишь. Пойду спать и я”, – сделал вывод, ду-

маю, зевнул и отправился в кровать, спокойный за прожитый день.

Я негодовала. Стояла под душем, смывая невостребованную красоту.

В понедельник загрузила себя делами, чтобы не думать о нем. Он в течение дня так и не позвонил. Во вторник истерзала себя донельзя. С одной стороны, было очевидно, что я в жизни Монстра – незначительное развлечение. А его подарки и помощь – лишь дань собственному положению. Так сказать, положение обязывает разбивать сердца с компенсацией. Это накаляло мою гордость, и я готова была встать на защиту репутации. Роль женщины, с которой лишь расслабляются, воспринималась мной в штыки. С другой стороны, я всю жизнь буду благодарна ему за спасение моего отца (а моя надежда безгранична). А с третьей – могли ли ничего не значить слова взрослого солидного мужчины о серьёзных отношениях? Но главное, какая же невыносимая тоска по этому человеку! Не думала, что влюбленность так болезненна! А что же тогда такое любовь? И что вообще со мной происходит?

Господи, пожалуйста, пусть он позвонит! Если сейчас он бросит меня, тонущую в тоске, во мне окончательно сломается женщина.

Все валится из рук. Ноги как будто ватные. Голову клонит к подушке. Жизнь что ли вытекает из тела? Какая ужасная погода! Серая, мрачная, скучная весна ... Илюшка после

школы делится успехами и ругает учителей за свои неудачи. А я плохо понимаю смысл его слов.

И тут звонок. О, да! Это он! О, нет! Не отвечу. Даже не просите. Еще звонок. И еще ... Пусть сам догадается, почему не мчусь как раньше на его зов.

Какая прекрасная погода! Свежая, нежная, светлая весна! Вечером заехала в квартиру мужа. Нужно взять одежду на весну. Квартира пустовала. Наверняка, хозяин заседал на работе с горькой “подругой”. А работа, скажу я вам, у него серьезная, звание тоже: ни дать, ни взять, подполковник милиции. Что-то сломалось в его взглядах на жизнь, если топит в спиртном репутацию и нас с Илюшкой.

Утрамбовав вещи в пакеты, я спустилась к машине и обомлела: рядом стоял внедорожник Монстра. Я случаем не ошиблась? Не ошиблась. Вот оно что! Караулит. Лестно, лестно. Я спешно закинула пакеты в свою машину, прыгнула за руль и умчалась. Монстр только меня и видел! Думаю, у него шок. Разве не должна я была растаять от его появления в обычном дворе с риском вызвать толки? Как бы не так! Я не прошу подарить мне “Porsche Cayenne” и произвести меня в герцогини, но на элементарное уважение имею право.

Не успела я поставить авто на стоянку, как элодей был уже и тут. Я гордо двинулась мимо. Он опустил окно и заголосил.

– Перестань валять дурака! Садись в машину!

– Здравствуйте, Андрей Константинович. Как поживаете?

Я была вежлива и равнодушна и шла невозмутимо дальше

(надеюсь, не заметно, как трясутся колени).

Он катился следом.

– Садись, говорю!

Дверца распахнулась.

– Вы вспомнили о моем существовании? Какая честь!

– Ты сядешь или нет?

Я прибавила шагу.

Монстр нагнал меня, перегородил путь.

– Слушай, я взрослый мужчина, а веду себя с тобой как мальчишка!

– Можно подумать, вас кто-то заставляет.

И тут он выскочил, схватил меня в охапку и затолкал в салон. Я и пискнуть не успела. Но выбрасываться обратно не стала.

– Ну, ты даешь! – его удивлению не было предела. – Со мной еще никто так не поступал.

– Со мной тоже! – парировала я.

– Ну, забыл я, забыл. С кем не бывает? К тому же мама заболела, приходил врач ей капельницу ставить, еще и у внучки температура поднялась. У меня и возможности-то позвонить не было. Я разрывался между родственниками и сам, между прочим, падал от усталости. И я знаю, что ты ждала звонка, что обиделась. И знаю, что поймешь и поверишь, – со страстью в голосе закончил он, подъезжая прямо к моему подъезду (какой жест в темное время суток!).

– А я, Андрей Константинович, знаю, что вы мною просто

манипулируете, – с этими словами я выскочила из салона, а машина Монстра с визгом сорвалась с места и укатила прочь.

Дома я наглotalась успокоительных таблеток и запила вином. Тяжело, когда поведение мужчины не поддается пониманию. Довольно скоро от Монстра пришло послание:

“Больше звонить и искать не буду. Если нужен, найдешь сама”.

Я молчала час. А когда изрядно захмелела, не выдержала и выдала все, что накипело. Я, мол, у него на последнем месте после всех, что он просто лгал про “одно целое”, что настоящий мужчина не позволил бы себе не извиниться за подобное недоразумение и все такое. На эту гневную тираду моментально пришел ответ:

“Наташа, успокойся, пожалуйста. У меня, действительно, все плохо в семье. Я и сам на пределе. И это правда, что я не мог тебя предупредить”.

А через несколько минут моего молчания – нетерпеливое: “Что же ты молчишь? Неужели ничего не ответишь?”

Отвечу.

“Я пришлю вам моих секундантов”.

Но злиться дуэлянтка уже перестала.

Утром в среду первым делом включилась голова и самостоятельно начала думать. Пьяного мужа я терпела целых пять лет. Пять лет принципиально спала на полу и переживала из дня в день. Оказалось, что переживала без пользы. Ему было все равно. Теперь переживаю снова. Из-за друго-

го мужчины. Нужно ли мне это? И вывод: лучше страдать по мужчине, который того стоит, чем по тому, кто сосредоточенно катится вниз и ничего вокруг не замечает. Придя к подобным мыслям, (не голова, а я вся) встала, позавтракала, привела себя в порядок. Вышла прогуляться по магазинам и увидела его. У мишки были грустные глаза, он мне понравился с первого взгляда. Еще понравилась открытка (с нарисованным медвежонком). На ней компьютерным пером было начертано:

“Хочу напомнить тебе о том, что ты в моих мыслях и сердце моем!”

Сама я, конечно, написала бы лучше, но и эти строки звучали подходяще. Душевно.

С мишкой мы смело поехали к главному дому. Несмотря на неискреннее гостеприимство секретарши от вручения подарка в руки Самому я отказалась. Доверила игрушку женщине. Открытка хранилась в мишкином кармашке. Для общей информации, дабы избежать не относящееся к сюжету любопытство, сообщаю, что секретарша – милая и подобающе важная женщина в возрасте моей мамы.

Продолжим. Каким он был счастливым в трубке моего телефона! Последний лучился и мажорно солировал его голосом!

– Мне очень понравился твой подарок! Не правда ли, он похож на меня?

– Правда.

– Спасибо. Но я хочу еще один подарок. Можно?

– Можно.

– Он будет обвязан ленточкой как настоящий?

– Что же вы хотите?

– Тебя и только тебя.

И искристый голос эффектно отключился.

Я прыгаю как девчонка по комнате и с удовольствием на диване (никому не выдавайте моего сумасбродства). Погоди, дружок, ты не раз еще удивишься!

Впервые я отправилась на зов царя – монстра на своем автомобиле. Официальность и церемонность в прошлом. К чему нам они? Мы стали более близки. Мы стали более близки?

И вот вместе готовим ужин. Итальянская паста с морепродуктами, конфеты, которые начинают исчезать еще до застолья, вино. Чилийское! Куражное! Ой-ля-ля! По очереди купаемся в ванне, непривычных для меня формы и размеров. После ванны сидим рядышком как голубки, нет, как целомудренные старички и смотрим фильм. На огромном экране. Грозный боевик. Вспышки взрывов отражаются в зрачках моего друга. А после маленькой ссоры – разные фильмы в разных комнатах. А потом опять – один на двоих. И снова фейерверк эмоций – веселья, грусти, обиды, нежности – за один вечер.

Желание, исходящее от него, витает в воздухе, но Глава выбирает сегодня другую тактику. И я знаю, почему. Он хо-

чет убедить меня в том, что я нужна ему не только в роли убажительницы. Это хорошо, что он считается с моими принципами. Интересно, а чувствует ли он мое желание. Я с трудом его скрываю. В течение полмиллиона кадров, несущихся мимо моего внимания, я – словно под электрическим током. Да, скажу я вам, вот такое желание, да еще неизведанное прежде и приправленное острыми чувствами – катастрофическая сила! Инстинкты на пределе!

Не самое ли время станцевать очередной танец смелости? Впервые начинаю раздевать его сама. Он немного удивлен. Он в предвкушении. Его рука гладит мои волосы, скользит на плечи и под одежду. Ах, нет. Ласково устранию его ладонь. Не понимает, в чем дело. Привык руководить. Во всем.

Стаскиваю с него рубашку, брюки и пикантную деталь. А сама остаюсь в облачении и возвышаюсь над ним как амазонка. В одних носках Глава выглядит очень смешно. Я улыбаюсь от нежности. Он снова отправляется в путешествие по моей стати. И опять укладываю его ладони в замочек. Нет, дружок, подожди! Занавес еще не поднят. Его брови взмывают вверх. Ах, как удивлен! Я начинаю его ласкать. И как ласкать! Моя природная способность заработала в полную силу. Я владела им, наслаждалась им, вкушала его, подчиняла его!

Когда возбуждение мужчины достигло апогея, коварно предлагаю:

– Андрей Константинович, давайте поиграем в игру “ма-

ленькая сладкая ...”, а третье слово отгадаете сами. Вы согласны?

Он согласен, согласен. Он готов на все.

– Маленькая сладкая моя девочка?

– Не-ет.

– Маленькая сладкая клубничка?

– Не-ет.

– Теперь закройте глаза, – шепчу ему в самое ушко. – Ну же...

Подчиняется (подыгрывает охотно). Спешно скидываю с себя одежду, он слышит шорох и заводится еще больше, скидываю бюстгальтер и трусики. Ножку повыше колена обвязываю розовой лентой (все еще помню ее цвет). А поверх такого “костюма” (берите на вооружение) набрасываю шубку и даже натягиваю перчатки, будто собираюсь уйти. Присаживаюсь рядом и сладко напеваю:

– А теперь, малыш, открой глазки.

Малыш открывает глаза и, кажется, перестает дышать.

– Что это? Ты уходишь? Как это понимать? – обида несется на всех парах.

– Маленькая сладкая месть, – вещаю я. – Это вам за безответственность и забывчивость, а еще за отсутствие хорошего качества – уважения к человеку.

Он порывается встать. Ловким жестом возвращаю его в прежнее положение.

– Это еще не все, дорогой друг. Теперь вторая часть спек-

такля.

Да дышит он или нет?

– Вы, кажется, просили подарок в лентах?

Молчит, хлопает ресницами. Его просто раздувает от обиды. И вот, маленькая коварница, едва заметным движением пальцев открываю застёжки, и шубка эффектно летит долой. А там – подарок! Тот, который ты хотел, любимый! Я совсем нагая с ленточкой на бедре. Ой-ля-ля! Не знаю, как после этого номера я осталась не скушанной! Он вспомнил все, что было в арсенале его любовного опыта. А между поцелуями порывисто шептал:

– Ты останешься на всю ночь?

И я не в силах была ответить, задыхаясь от его объятий и своих чувств.

– Я никуда не отпущу тебя сегодня, – повелевал мой побежденный. – Где твой сын?

– У отца, – лгала я.

Мы оба уснули без сил. Как нежно он обнимал меня, как бережно прижимал к себе всю ночь напролет, как целовал, вдруг коснувшись моего тела губами, как, проснувшись среди ночи, снова загорался страстью, как шептал сквозь сон:

– Если ты меня бросишь или обманешь, это будет нонсенс.

Утром крепко обнял меня, на что я притворно с детским недовольством проурчала, встал, покурил и ушел. И оставил меня дремать в своей роскошной постели. Победа!

В девять утра я тихо вошла домой, прислушалась к тиши-

не субботнего утра, вылавливая мирное сопение Илюшки, и мое сердце сжалось от вины. Он послушно вчера помыл посуду после ужина, наспех мной приготовленного перед уходом, накормил домашнего крысенка и даже ни разу не позвонил мне, чтобы упрекнуть в том, что я не с ним, не рядом. Раньше его удивляло и беспокоило мое отсутствие по вечерам, а теперь он к этому привык. Он доверяет мне, своей маме, и думает, что такая жизнь тоже возможна и правильна.

Через пару часов, когда я не успела еще соскучиться по моему Монстру, пришла смс-ка:

“Ты такая хорошая! Мы с тобой одно целое”.

Сердце мое ликовало от счастья. Значит, зацепила. Значит, получается быть интересной. Молодец! Так держать!

А за что же я борюсь? Чего хочу? Денег? Подобные мысли ни разу меня не посетили. Мужа? Я послушно приняла его слова о преданности детям и никогда не мечтала его взгляды нарушить. А потом, ведь и мне с мужем должно быть комфортно, спокойно и уютно. Мой же избранник как мотылек неуловим, его в ладонях не удержишь. А еще (сравнения так и просятся в мою вдохновенную от любви голову) я назвала бы его огнем, который вечно гореть не будет. За его тепло нужно неустанно бороться. Для любовных отношений это годится и даже интересно, но для семейной жизни – катастрофично.

Да я просто хочу любви! Мне не нужны его деньги и положение. Мне нужен он сам, даже если станет бедным и свер-

женным. Такой некрасивый и телонепривлекательный (новое слово) для Микеланжел(ов) всех столетий. Но самый любимый и желанный, и других не предлагайте!

Я боюсь сказать ему “люблю”, боюсь разом стать покоренной. Но мои чувства безудержно несутся к нему, превращенные в стихотворные строчки. Я стесняюсь читать их вслух и в качестве сюрприза отправляю телефонически (еще новое слово) или телефонно (посоветуйте, как литературней).

Я так хочу тебе поверить,
Оплавав прежние потери,
Без страха тайной наслаждаться,
Без осторожности отдаться,
В запрет бесстыдно окунуться,
Без покаяния проснуться,
Без дум упасть в объятия ночи,
Без сна дойти с тобой до точек,
Ожить, горячий яд испив,
Грешить, дыханье затаив!

Не поверите, позвонил уже на следующий день после свидания, и мы ехали с прогулки, и его рука сжимала мои пальцы. Я поднесла ладонь мужчины к губам и поцеловала. В этом поцелуе было все: нежность, благодарность, поклонение. А потом положила голову на его плечо. Вечером того же дня пришло послание, которое я хранила долго – долго:

“Хорошая моя, спасибо тебе за все. Целую нежно. Мне тебя постоянно не хватает”.

Андрей... Нет, не могу себе позволить так его называть. Никак не получается. Андрей Константинович стал всюду брать меня с собой, не боясь, а возможно, стараясь показать нашу связь. Видя это, я решила открыть маме имя своего поклонника. И хотя минуты на две она лишилась дара речи, речь все же не о ней. Мама к слову ... Слово мамы позже пригодится. Я стараюсь шутить с Вами, читатель, чтобы смягчить свою боль, которой потом будет много.

Глава 5

О подарке ко дню его рождения я думала уже сейчас, в начале весны. Это должно быть нечто удивительное, нет, ошеломительное, чтобы никакая другая женщина не смогла мой сюрприз повторить! Просто не оказалась способна. И я ломала голову над данным вопросом. Впрочем, с вдохновением. Мне помог случай.

В мой магазин пришла покупательница и спросила фильм “Ритм танца”. Я обрадовалась: фильм стоял на полке. Отрадно, когда предложение способно удовлетворить спрос. Она обрадовалась тоже: нашла желаемое только у нас.

– Танго, поставленное специально для этого фильма, признано лучшим за всю историю танцевальных кинематографических сцен, – осведомила нас женщина.

Меня заинтересовали ее слова. Из ушедшего детства словно прорвавшимся потоком хлынула неосуществленная мечта научиться танцевать. Я вспомнила, как ребенком припала к экрану телевизора, сходя с ума от феерической красоты человеческих движений.

С разрешения покупательницы я распечатала диск и поставила в видеопроигрыватель. Мы нашли нужную сцену. Важно сказать, что у нас и только у нас под потолком размещался проектор, нацеленный на экран в полстены. Эта маркетинговая роскошь здорово привлекала покупателей. Я как

замороженная всматривалась в эффектные па и понимала, что желание с детством не прошло и сильно по-прежнему. В голове созрел план.

Я наняла инструктора по танцам для индивидуальных занятий. Выложила ей наличность и свою мечту, и она приступила к обдумыванию постановки. Дело оставалось за малым: найти партнера. Когда я озвучила сумму, обещанную такому, таковой быстро нашелся.

Я никогда раньше не занималась данным видом искусства, а потому даже учительница мало верила в освоение мной сложного танца. Однако желание и рвения мои были настолько велики, что всего через пару занятий она изменила свое мнение. Я не только усердно повторяла движения десятки раз дома или в закрытом вечером магазине, но и прокручивала их в памяти жест за жестом, па за па, занимаясь при этом другими делами. И даже во сне я продолжала танцевать, перестав вскоре различать границу реальности.

На четвертом занятии я вдруг затанцевала так, словно всю жизнь посвятила только танго и ничему и никому больше. Потрясены были все, партнер, наставница и даже я сама. Меня словно вела и кружила какая-то неведомая сила, управляла мной и наполняла огненной энергией. Этот огонь бушевал во мне, расплескивая всю меня фейерверками молекул, едва не поднимая над полом. Я с сомнением отношусь к мистическим историям в реальности, но со мной случилось именно чудо. Волшебница, да и только! Как только я оста-

новилась, у меня закружилась голова и кружилась до самой ночи. Я осторожно довела машину до дома, бросила ее прямо у подъезда и свалилась ниц.

В одном из ателье приняли заказ на платье. Ткань мы купили дорогую, струящуюся, черного цвета. Платье было длинное, с потайными застежками, а точнее отстежками, потому что в нужный момент юбка отстегивалась для придачи танцу большей страсти. Кроме платья сшили одну перчатку и бархатную маску на глаза для партнера. Ему предстояла роль соблазнителя – инкогнито. Пришлось купить также и туфельки для танца.

Приближался май. В конце мая и находился значимый день (прошу прощения, в сумме составляющий число ДЕВЯТЬ). Неожиданно в доме культуры произошел пожар, и пока здание реставрировали, мы танцевали в моем магазине, добавляя в танец все больше сложных па и даже акробатики. После закрытия сдвигали витрины, и да здравствуют ритм танца и любовь! После репетиции сдвигали все обратно. И так почти каждый день. Какой драйв, какое бурление крови, какая вспышка жизни!

Стали мы думать, где организовать выступление. Посетили пару ресторанов, примеряя к их интерьеру эскиз следующего сценария: сидим, значит, с именинником за столиком. Музыка, вино... Появляется коварный соблазнитель, увлекает меня за собой (“Можно вашу даму пригласить?”), ну и мы выдаем наше детище. А потом в микрофон объявля-

ют, что сие – подарок и поздравляют гостя с днем Рождения. Как будто сценарий ничего себе. Правда, что делать, если именинник обидится и сгинет в момент танца, одолеваемый ревностью? Или вообще не пойдет ни в какой ресторан, поскольку не испытывает желания пиариться по оным со мной?

И придумала я такое! Впрочем, в причудах собственной фантазии я не сомневалась.

Пригласила операторов с местного телевидения. Подумала о возможности возникновения у них желания заработать вне рабочего времени. И угадала. Наши желания совпали. Мы встретились. Двое мужчин и женщина отнеслись к моей идее с восторгом, что еще больше меня вдохновило. Сюжет фильма я придумала сама. Ровно сутки оставались до значимого дня. Медлить было нельзя. Начали с утра. До самого вечера снимали на природе, потом спешно я отправилась в парикмахерскую, а остальные участники принялись украшать холл во дворце культуры. Хозяйка заведения оказалась очень радушной и позволила работать до глубокой ночи. Я переделалась из милого сарафана в эффектное черное платье. В парикмахерской длинные волосы подкололи, придав им изящную лаконичность.

Съемки проходили очень весело и активно. Пришлось долго очищать от белого пуха черный костюм моего артиста, потому что утром он носился по одуванчиковому полю и всех смешил неуместным позированием.

В общем, костюм был чист, в многочисленных канделяб-

рах горели свечи, камеры были расставлены. Все затаили дыхание...

Полночь. Устали, но доброй результативной усталостью. Прическа моя рассыпалась на один бок. Болтая ногами, сижу на аппаратном столе, начитываю в микрофон свои стихи. Воспроизводим, слушаем. Получилось хорошо.

Все буквально попадали в машины. Пленка поехала к монтажистке. Женщина будет работать всю ночь над съемкой, накладывать музыку, изготавливать оформление. К полдню работа должна быть завершена.

Я всю ночь кружилась в танце, но проснулась отдохнувшей и воодушевленной. С благодарностью вспоминаю победоносный взгляд женщины, ее искреннюю нежность к результату творчества. Она вся светилась, когда извлекала диск из роскошного футляра.

Не буду больше вас дразнить. Садитесь поудобнее и ...

Студия “Диез” (выстукивает по буквам) представляет. Звучит романтическая музыка. На одуванчиковом поле рисуется название фильма алыми буквами “Танго”. Среди бело-зеленой красоты гуляю я в легком полупрозрачном сарафанчике. Собираю цветы (какие-то желтенькие, майские), переплетаю их в венок. За кадром благозвучно льются мои новые стихи:

Я в ваш день Рожденья не с вами.

Я – тайна, что прячут от всех.

И в жизни, что вы созидали,

Я – хрупкий живой оберег.

В открытой ладони задорно
Зажгусь, но не стану ценней
Того, что трудами мощёно,
Длиною в судьбу и прочней.

Пусть так, мне достаточно снова
Ладони тепло ощутить.
Я ради той искры готова
Надолго о солнце забыть!

Солнце сверкает в моих волосах, а еще охотно ловится в объектив, улыбочиво расплывается в кадре, игрится (новое слово) в верхушках деревьев и голубизне неба (эффект перемещения объектива).

В следующем кадре – заросший пруд. Настоящий. Мы обнаружили его случайно в плотном кольце деревьев. Я как Аленушка преклонила колени на его бережок. Уголочек сарафана купается в темной водице. Сказочный вид! Рукой скольжу по уснувшей глади. Пленка нарочно замедляет бег кадров, когда “озерцо” высыпается из опрокинутой ладошки. Мутное зеркальце разбивается на осколки брызг. Поправляю веночек, рассеиваю непослушно набегающие на плечи волосы, и камера ловит в воде моё отражение.

Лубочная картинка сменяется залитой солнцем рощицей,

и я плыву по этой рожице, обнимая тонкие березки. У векового дерева останавливаюсь, люблю его высокой неохватной мудростью, прислонившись к стволу (ух ты, теплому как живому, наверное, прицелившимся солнышком нагретому). Закрываю глаза... Затаите дыхание. Объектив обещающе скользит вдоль Алёнушкиной руки, достигает пальчиков, и (ах!) неожиданно их накрывает мужская ладонь. Начинается сказка.

Дерево превращается в мраморную колонну, сарафан – в черное блестящее платье, веночек – в диадему, роща – в балльную залу, освещённую десятками свеч. Открываю глаза, делаю изумлённое лицо. Из полумрака, не охваченного призрачным светом, выходит таинственный незнакомец, ведёт меня в центр зала. Звучит мелодия в ритме танго. Красавец ловко разворачивает меня к себе спиной, обнимая за талию. Мы на секунду замираем в точке, откуда начинается танец.

Мистический соблазнитель

(что хорош, то хорош) плавно увлекает меня за собой, завораживая красотой движений, опрокидывает в манере танго, кружит по залу, отпускает, ловит. Камера ныряет в зеркала, где наши фигуры танцуют вместе с огнём свеч в канделябрах. Тяжелым золотом лоснятся держатели у подножия зеркал.

Прекрасный незнакомец (зовут его, кстати, Алексей) так правдоподобно охвачен страстью, что можно ненароком влюбиться, а виновника всей этой затеи оставить с носом.

Вид сверху: искуситель расстегивает фрак (пусть пиджак назовется фраком) и красивым жестом откидывает прочь. Я ловким движением отстегиваю юбку, превращая в шлейф. Теперь мы оба слегка раздеты. Соблазнитель увлекает меня в свои объятия. И раз! Моя ножка обхватывает его бедра (па, присуще только танго). Держись, именинник! Красавец – инкогнито, устремляет ладонь под мою коленку, и я взрываю в его руках невесомая (в килограммах – в прямом смысле). Художественно кружимся (по проекту от счастья обладания), некасаемо касаясь друг друга губами. От наших движений плескаются огни синхронно со своими зеркальными собратьями. Шлейф моего платья черным шелком парит в воздухе, как крыло огромной сказочной птицы. Эффектные повороты тел в стремительных парных движениях! Партнер отпускает меня, и я скольжу по инерции прочь от него. И вдруг, опомнившись, он ловит меня за руку, словно страстно желая вернуть. Бесстрашно падаю в сильные руки наугад, потому что спиной. Долго училась этому бесстрашию. Мы обнимаемся еще раз (перед рискованным полетом). Алексей преклоняет одно колено, поддерживая меня за талию (страхует). И вот я прыгаю коленями на колено партнера, отталкиваюсь, и парю в небо. Итак, прыжок, поворот в воздухе, и я приземляюсь на одно колено в ту же позу, что и партнер. Приземление должно было состояться точно на последний аккорд, и я успеваю полетать в воздухе до этого аккорда. Мы склоняем головы на плечи друг друга и замираем.

Прежняя романтическая мелодия возвращается. Поднимаемся с колен, держась за руки. И вдруг ... незнакомец исчезает, тают огни, колонны, зеркала... И снова роща, венок, сарафан... Я в том самом месте, где забывшись утонула в грезах. Открываю глаза, гадаю, сон это или явь? И вдруг вижу: на руке-то осталась перчатка! Я улыбаюсь, бережно укладывая тайну в голову. На экран набегают надписи: “С днем рождения, Андрей!” Конец.

Вечером я отправляю ребятам послание: “Спасибо. Мне было очень приятно с вами работать”.

Придет ответ: “Спасибо вам. Мы давно не были так увлечены”.

В пять мой небожитель закончил трудовой день. Я позвонила ему сама. Мы встретились, говоря современным языком, пересеклись (ждет мама, ждут дети поздравить именинника). Я вручила ему подарок. Он не стал задавать вопросов, только сказал спасибо. Я не спала всю ночь, волновалась утром следующего дня. Ответа не было. Долго я гадала, какое впечатление произвел мой подарок, ведь это был поступок ради НЕГО, да так и не узнала. Не знаю и по сей день. И никогда не спрашивала об этом.

Первый читатель моей рукописи, главный редактор газеты, в которой я работала, упрекнул героиню за чрезмерное преклонение перед мужчиной. Так, мол, не бывает, люди в наше время неромантичны, особенно имеющие свое дело. Ничего важнее прибыли и независимости для них нет.

Уважаемый мой, нет, дорогой мой редактор, вы, вероятно не любили. Не любили так, что земля уходит из-под ног, что никаким увлечением невозможно заменить, и никаким здравым смыслом нельзя остановить это чувство! И страшно долгое время требуется, чтобы избавиться от него сердце, если разум его не приемлет! Такое отношение к любимому человеку в наше неромантическое время – не изъян, а чудо. А любовь – лишь в последнюю очередь выгода, а в первую – желание сделать дорогого человека счастливее всех других!

Смогла ли я (героиня) своим подарком сделать мужчину счастливее, не знаю, но я очень этого желала. Что ж, заверим себя, мужчины не щедры на похвалу и выражать чувства не спешат или даже не отваживаются.

Зато я заслужила целую ночь рядом с ним. Когда я прибыла в его обитель, он колдовал над мангалом, дразня ароматным запахом шашлыка. Стол в беседке хвастал фруктами, конфетами, игристым вином. У меня подпрыгнуло настроение, как всегда в момент встречи с объектом моих чувств. Может быть, когда оно зашкаливало, я испытывала страх перед его предстоящим падением с колоссальной высоты в одиночество. Но не нужно ли наслаждаться настоящим, в которое грустное будущее еще не заглянуло?

В этот вечер, казалось, между нами коренится новое чувство. Чувство родства. Мы проговорили полночи, словно не могли наговориться. А потом я увлекла его новой игрой с названием “две истории” (берите на вооружение). Условием

игры было рассказать одну историю правдивую, а другую – выдуманную. И непременно – из собственной жизни. А собеседник должен был отличить правду от вымысла. Меня очень веселило, когда любимый попадался в ловушки. Правдивую историю я выбирала невероятную, подчас каверзную, чтобы трудно было в нее поверить. А выдумывала так колоритно, что захочешь, а изъяна не найдешь. Однако мой противник хоть и угождал в ловушки, но сдаваться был не намерен. Так живописал, будто сказку на ночь рассказывал: да с выходом, да с расстановкой! Я заслушалась историями про детство Андрюши. А потом никак не могла выбрать нужную. Оказалось, обе правдивы. Комедиант обвел меня вокруг пальца. Я капризно заегозила (осмелела от выпитого вина) и угодила в объятия развеселившегося “живописца”. Все загладил испугительный поцелуй.

За окном застыла строгая ночь, а на нашем ложе страсть все не угасала, и утоляющая жажду ожидаемого, и очерченная тайнами... Я не стану раскрывать их. Они мои.

От усталости у нас не хватило сил даже набросить скомканное в ногах одеяло.

– Послушай, я тебе сейчас кое-что скажу, – совершенно обессиленным голосом прошептал герой-любовник.

– Да, да, еще про маленького Андрюшу, пожалуйста, – не поднимая отяжелевших век, еле слышно просила я.

Он полусонно хохотнул и дошептал уже замирающими губами:

– Только не обольщайся, хорошо? Я позволяю тебе то, что никогда не позволял другим ...

Вот такое, друзья, признание. А вы чего ждали?

Глава 6

Я только делала вид, что сладко сплю ранним утром, а сама чутко ловила каждое его движение. Вот он зашевелился, зевнул. Наклонился за сигаретами. Закурил. Я почти не дышу. Безумно хочется доказательств присутствия его чувств. Пусть погладит меня по волосам, пусть коснется тела губами, пусть хоть как-то проявит радость оттого, что я рядом. Затушил сигарету в пепельнице. Встал. Не помню, взглянул ли хоть однажды ... Я бы почувствовала. После ванны бойко одевается: с его слов спешит к маме. Придется держать ответ, почему провел ночь не дома. После развода единственный сын угодил под строгий контроль матери. Для нее по-прежнему ближайšie родственники – сноха и внучки. Никаких последующих его женщин она не признавала, о личных планах слышать не хотела. С его слов...

Высвобожу ножку, будто во сне повернувшись. Может быть, это вызовет у него умиление? Неужели камертоны нашей недавней идиллии слышу только я? Уходит. Ушел.

А, по-моему, я придираюсь. Мое счастье и без его утренней нежности велико!

Нужно и мне собраться. Нет, я никуда не спешу. Сын – у мужа. Вообще-то мне не очень нравятся его многочасовые игры у экрана (я столько времени тратить на бездушную технику не позволяю), и я настойчиво рекомендую “электрон-

ному” мальчику книги. Ну что такое эти жалкие рекомендации без собственных примеров? Вчера ребенок, наверное, был приятно удивлен смене приоритетов. Я стала слаба и непоследовательна. Но с другой стороны, разве плохо, что всем хорошо?

Итак, мне некуда спешить, но оставаться в доме Монстра мне неловко: я чувствую себя только гостем. Грустно, что это не наш дом, не наша постель. Грустно и трогательно больно. Приникаю щекой к подушке, хранящей его запах, уютно нежусь в мечтах еще недолго и с неохотой покидаю ласковую купальню воспоминаний. Босыми ногами ступаю по мягкому натуральному меху. Интересно, достаточно ли хорош мой новенький комплект белья от Pierre Cardin? А вдруг для вкуса Монстра не так уж и хорош?

Послышалась знакомая трель. Но не моя, вернее, не моего телефона. Ах, незадача! Монстр забыл один из трех своих аппаратов. Я взяла его в руки. Пищал будильник. Нужной кнопкой уgomонила. Вот он, маленький свидетель закрытой от меня жизни. Несколько секунд я маялась, борясь с соблазном проникнуть в лазейку. Наконец, с трудом справилась ... с привитыми хорошими манерами. Лучше пожалеть о сделанном, чем о не сделанном. Народная мудрость.

Блуждаю по кнопкам. В кончиках пальцев поднялась температура. Кстати, а может быть такое? Или тут уместно выражение “горят руки” (народное?)? Вхожу в раздел сообщений. Исходящие: пусто. Входящие: несколько, и все почему-то от

женщин. Вот какая-то Ледова Марина запечатлела свой визит. Открываю. Читаю: “Солнышко мое, я скучаю. Люблю и хочу”.

У меня остановилось сердце. Дрожащими пальцами срываюсь на следующее: “Как жаль, что теперь я далеко, но наши ночи храню в сердце!” И снова Ледова Марина: “Моя постель все еще хранит твой запах. Люблю!” И снова она: “Спокойной ночи, Солнышко!” И снова...И снова... Душа моя закричала. Громко, оглушая рассудок ... Я откинула телефон на смятую постель. Мысли путались, сердце жгло. Через минуту прорвалась смутная догадка. Я вновь схватила телефон. Он был страшно горячий, будто уголек. Вернулась туда, откуда бежать хотелось со всех ног. Пыталась найти дату посланий. Пожалуйста, пусть эта папка окажется ларцом сохраненных писем до меня! И жестокий вердикт: с пятого по двадцатое мая. Я опустилась на кровать, ноги не держали. Ничего не хочу более писать. Вы и без слов чувствуете то же, что и я.

Я положила телефон на прежнее место, застелила кровать, вышла в хмурое утро. За моей машиной закрылись ворота. Этот день я не прожила, а с трудом отдышалась. Мой шок прошел, наступила усталая печаль. Мне все было безразлично. К вечеру, казалось, сердце так отяжелело, что перестало умещаться в груди. Я не выдержала. Мое горе воскресило, и воспелось, и понеслось к идолу:

Я Вас услышала в ненастье,
Когда все боги замолчали.
Я шла куда-то мимо счастья
С обузой знаний за плечами.

Я знала, как бывает больно,
Как разбиваются иконы,
Как стала я рабой безвольной,
Когда остался шаг до трона,

Как жизнь взласкав наотмашь била,
Как без любви душа черствела.
Я знала, но о том забыла,
Я просто верить Вам хотела!

Он ответил не тотчас: “Как всегда хорошо, но отчего так грустно?”

Ничего я более писать не стала. А он и не настаивал. Пропал на две недели.

Немного успокоившись, я стала анализировать наши отношения. Со мной все более чем ясно. А вот что с ним? Неужели этот человек настолько непорядочен? С другой стороны, разве стал бы мужчина его возраста и статуса бросаться серьезными словами и был бы заинтересован помогать женщине, ему безразличной? И, наконец, насущный вопрос. Посвящал бы ночи (не такие редкие) той, которой не был бы

увлечен? В то же время нельзя не признать, что слова “люблю”, “скуучаю”, “хочу” красноречивы сами по себе. Еще одна загадка: весь период, в течение которого получены шокирующие меня константы, он находился со мной. Странный человек. Ускользающий мужчина.

В разговоре с мамой на злободневную тему я обронила:

– Он странный, мама.

Мама сказала:

– Он добрый человек.

И я возразила:

– Нет, он страшный человек!

Мама посмотрела на меня с подозрением. Я не смогла объяснить ей природу своего умозаключения. Оно пришло откуда-то из подсознания.

Совершенно не настроена думать о плохом (а напрасно). Чувства и вера оказались сильнее боли. Он не может обмануть меня, поскольку знает о моем горьком опыте. Было бы жестоко с его стороны подвергнуть женщину повторным испытаниям. И по мужским понятиям, и по человеческим.

А тем временем Монстр молчит. Что у него на уме, остается лишь гадать, а проникновение в его душу – монументальное табу. Это уж точно. Раньше столь долгих перерывов не было. Занят? Чем или кем? Но ведь сделать звонок – пара пустяков. Вообще, надо отдать ему должное: он звонит всегда первым и, не считая текущего молчания, не так уж и редко. Но все равно почему-то остается впечатление, что его

звонков не дождешься.

Наступили выходные. Вместо того чтобы заниматься делом и наслаждаться жизнью, я с утра до вечера погружена в тяжелые, ни к чему не приводящие мысли. Ломаю голову над вопросом, чем занят Монстр в свободные от работы дни. Почему ему не хочется вспомнить обо мне? Быть может, он потерял ко мне интерес. Быть может, время проводит с другой. Все внутри сжимается от ужасного предположения. Во мне развивается паранойя.

– Только не влюбляйся, дочка, я тебя прошу! – вспомнила я слова мамы.

Я старалась, мама! Но это оказалось сильнее меня. Прости

...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.